

РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО МИРА В ТРАКТОВКЕ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Рассматривается трактовка античной религиозной традиции в работе руководителя Александрийской школы богословия Тита Флавия Климента «Увещание к язычникам». Проблема исследуется в разрезе изучения трех основных компонентов: религиозное сознание, религиозная деятельность и религиозные отношения. Проведенный анализ показывает однозначное негативное отношение автора к античной религиозной традиции и позволяет определить взаимосвязь идейных воззрений александрийского мыслителя с историей всего комплекса социокультурных условий, повлиявших на эволюцию интеллектуализма в александрийском обществе.

Ключевые слова: Александрия; Римская империя; Египет; Александрийская школа; Климент Александрийский.

Рассмотрение вопроса, заявленного в теме статьи, во многом актуализируется потребностями и задачами современного общества, находящегося на этапе перехода. В последнее время Институтом всеобщей истории Российской академии наук активно разрабатываются проблемы интеллектуальной истории. Главный редактор журнала «Диалог со временем» доктор исторических наук, профессор Л.П. Репина в одной из своих статей сформулировала проблему изучения интеллектуальной истории и интеллектуальной культуры следующим образом: «Интеллектуальная культура – это не абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд этого общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации» [1. С. 8]. В подобном разрезе мы исследуем историю интеллектуальной культуры и интеллектуальной мысли посредством анализа текстов, разнообразного мыслительного инструментария, навыков мышления, а также через призму всех форм, средств, институтов интеллектуального общения в их целостном социально-культурном контексте.

Исследование «истории идей» Климента Александрийского в этой связи представляется наиболее актуальным, поскольку особенности менталитета этого александрийского дидака в некотором смысле заложили основы укрепления христианства на Римском Востоке и сформировали новый тип христианского мыслителя переходной эпохи.

Прежде чем стать главной государственной религией Римской империи, христианство в первые три века своего существования должно было решить две важнейшие задачи – убедить римскую власть в том, что новая религия безопасна для государства, и добиться прекращения гонений [2. Р. 49]. Их решению были посвящены первые сочинения христианских апологетов. Следует отметить, что отношение христиан к язычеству в этот период было вполне однозначным – боги античного пантеона высмеивались христианами, причем зачастую повод им давали и сами языческие авторы [3. С. 4].

Традиционно принято полагать, что некоторым исключением из общего правила стал крупнейший апологет Александрийской школы Тит Флавий Климент. Родившись в языческой семье, с детства посвященный в различные мистерии, Климент пытался найти точки соприкосновения между античной и хри-

стианской традициями [4. Р. 225]. Будучи самым просвещенным христианским автором, вплоть до своего ученика и последователя Оригена, Климент «подарил» Римскому Востоку новый тип христианского мыслителя, если не с уважением, то без видимой доли пренебрежения относящегося к античному наследию [5. Р. 77]. Безусловно, такой тип интеллектуализма, смог сформироваться еще и потому, что Тит Флавий Климент жил в атмосфере многочисленных духовных течений, глубоких научных и религиозных исканий александрийского общества, что отразилось на системе его мышления [6. С. 117].

В качестве основного предмета исследования в данной статье выступают взгляды Климента на античную религиозную традицию. Выбор предмета обусловлен необходимостью определения интеллектуализма Климента с точки зрения его ортодоксальности либо, напротив, гетеродоксальности. В данном случае нас будет интересовать, действительно ли александрийский учитель вышел за границы традиционного отвержения языческой религии либо придерживался актуальных для своего времени религиозных тенденций.

Анализ религиозной традиции Античности в трактовке Климента Александрийского мы построим на его произведении «Увещание к язычникам». Выбор этой работы из трилогии Климента Александрийского обусловлен тем, что «Строматы» и «Педагог», также входящие в состав трилогии, в основном обращены к вопросам философских и нравственных воззрений александрийца, не затрагивая религиозных проблем. При этом следует понимать, что каждое из произведений трилогии содержит мысль о главенствующей роли христианства для мира [7. Р. 220].

Для более обстоятельного изучения исследуемого вопроса мы будем рассматривать взгляды Климента через призму общепризнанной классификации религии, предложенной И.Н. Яблоковым, согласно которой религия включает в себя религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения и религиозные организации [8. С. 264]. В начале, полагаем, необходимо определиться с терминологией. Под религиозным сознанием мы понимаем причастность к определенным религиозным идеям и ценностям, а также принадлежность к определенной религии и религиозной группе (в данном случае имеем в виду, прежде всего, осознание этой причастности в созна-

нии отдельной личности либо группы людей). На наш взгляд, следует конкретизировать данное понятие и свести его к совокупности религиозных представлений в сознании индивида или общества в целом. Религиозная деятельность представляет собой систему учений, верований и культовых действий, которые связаны с единением человека и Бога. Религиозные отношения представляют собой вид отношений в духовной сфере общества [8. С. 279]. Религиозные организации – это добровольные объединения людей с целью совместного исповедания и распространения вероучения (поскольку религиозные отношения в античной религиозной традиции не имели строгой институционализации, данный компонент языческой религии анализироваться в статье не будет).

В основе представлений Климента о религиозном сознании язычников лежит его отношение к истине, под которой автор понимал христианское вероучение. В период становления христианства первые дидакалы не только пытались победить язычников в философских спорах, но и доказать истинность христианского учения, т.е. сформировать новый тип религиозного сознания язычников. В этой связи первые учителя новой религии ставили целью убеждение язычников в отказе от привычных религиозных обычаев, прочно укоренившихся в сознании представителей античного мира.

В некотором смысле, Климент сформировал новое представление об истине, противоположное античному и по форме, и по содержанию. Так, если античный менталитет усматривал в новых воззрениях и представлениях негативный смысл, а все древнее вызывало уважение, то Климент, напротив, отмечал, что «заблуждение является древним, а истина кажется новой» (Protr. VI). Поскольку в данном случае под «новым» понимается христианство, данная позиция александрийца вполне объяснима и оправдана.

Основой языческого сознания Климент называл мифы, о которых он говорил следующее: «...это – скользкие, гибельные пути, удаляющие от истины, низводящие человека с неба и направляющие его в пропасть» (Protr. XXVII). Приводя в пример слова античного поэта Эмпедокла и пророчицы Сивиллы, он призывает «оставить мрак и идти за светом» (Protr. XXVII). Ссылки на данных авторов вероятнее всего, говорят о том, что с их помощью Климент пытался расширить аудиторию, опираясь на авторитет тех авторов, которые были значимы для его читателей.

Климент считал религиозное сознание язычников материальным, основанным на поклонении материи: «Зачем, выдумывая себе богов из праха и следуя за рожденной тварью вместо нерожденного Бога, вы бросились в крошечный мрак? Прекрасен паросский мрамор, но это еще не Посейдон; прекрасна слоновая кость, но это еще не Зевс Олимпийский. Материя всегда нуждается в искусстве¹, Бог же – самодовлеющ... Я же научен землю топтать, а не поклоняться ей» (Protr. LVI). Поклонение материи Климент называет невежеством, которое губит человека.

Частью языческого сознания Климент считал идолопоклонство, которое имело семь путей возникнове-

ния (Protr. XXVI): через поклонение небесным светилам; через поклонение плодам, которые дает земля; посредством обожествления возмездия и несчастия, возникающих в судьбах людей; через обожествление человеческих страстей; через обожествление абстрактных понятий, таких как справедливость, судьба и т.д.; через почитание теогонии Гесиода и произведений Гомера; посредством обожествления спасителей от бед и болезней (Геракла, Асклепия). Отдельное внимание в «Увещании к язычникам» дидакал уделял опровержению обожествления язычниками таких понятий, как «судьба», «богатство», «любовь», «сон», «звезды», говоря о том, что не могут быть богами ореол вокруг солнца, радуга или ливни, поскольку все это природные явления, равно как не могут быть богами те, кто покровительствует им на Олимпе (Protr. CII). Неожиданным для раннего христианина выступает заявление Климента о священстве людей: «Считай, что эти слова сказаны тебе свыше: не думай, что камни, дерево, птицы и змеи суть святыни, а не человек. Напротив, подлинно священными признавай людей, а зверей и камни считай тем, чем они являются» (Protr. CIV). Более поздние христиане личность человека как священную не рассматривали, только в сочетании с Богом и его прослом.

В «Протрептике» Климента мы находим места, в которых он замечает, что имело место и благоразумие древних «безбожников». Так, он указывает, что Евгемер-акрагантеец, Никанор-киприот, мелосцы Диагор и Гиппон, Теодор-киронец² и многие другие благоразумно прожили жизнь и лучше остальных увидели заблуждение, касающееся богов. Александрийский учитель говорит, что если они и не познали истину полностью, но предположили ошибочность языческих верований (Protr. II, XXIV). Если проанализировать профессиональную биографию людей, на которых ссылается Климент, становится очевидным, что все они, за исключением Диагора, были философами, что подтверждает факт тяготения александрийского учителя к языческой философии, однако совсем не доказывает его положительного отношения к античной религии.

Несколько более снисходительно александрийский учитель пишет о верованиях египтян: «И насколько лучше египтяне, которые по деревням и городам воздали божественные почести бессловесным животным, чем эллины, поклоняющиеся таким вот богам?! Боги египтян пусть звери, но не развратны, не похотливы. Ни один из них не стремится к наслаждениям, противным природе... ?» (Protr. XXXIX). При сопоставлении греческих и египетских верований Климент указывал, что египтяне превосходят греков, поскольку они воздают почести только бессловесным животным, а эллины поклоняются жестокому богам (Protr. XXXIX). Полагаем, что здесь нашел проявление внутренний патриотизм Климента, его региональное сознание и причисление себя к александрийской культуре. Кроме того, в зрелом возрасте оказавшись в Александрии, Тит Флавий Климент обращал свои произведения именно к египетской аудитории, стремясь укрепить позиции христианства на Римском Востоке.

Отношение к религиозной деятельности язычников наиболее обстоятельно раскрывается Климентом во второй главе «Увещания к язычникам». Религиозная деятельность язычников включала в себя мистерии, жертвоприношения и другие ритуальные действия, связанные с почитанием греками и римлянами своих богов. Именно опровержение языческих ритуалов легло в основу демонстрации Климентом негативного смысла языческой религии.

А.Ю. Братухин отмечает, что в отличие от ряда других авторов (например, Татиана, Иустина или Феофила Александрийского), стремящихся к нападкам на греческую религию с целью обличения всей античной культуры в целом, Климент Александрийский, прежде всего, ставил своей задачей опровергнуть те мистерии и ритуалы, которые были популярны при его жизни [9. С. 22]. Для реализации этой цели, Климент, в отличие от других христианских авторов, стремился к обстоятельному и точному анализу античных мистерий.

Само слово «мистерия» у александрийца было производным от слова «μῖσος» («позор»), либо от словосочетания «охотничьи басни» (т.е. мифы). Однако в заключение своего труда он применяет это слово и к христианским таинствам («О поистине святые мистерии!») (Protr., 120, 1). Очевидно, таким образом Климент подводил читателя к мысли о необходимости замены старых мистерий на новые христианские, чтобы сама этимология слова не отталкивала язычников.

В некоторых местах «Протрептика» мы встречаем сравнение терминов «оргии» и «мистерии», что придает мистериям язычников еще более негативный смысл в глазах Климента³. Так в 13-й главе он приводит несколько версий происхождения термина «мистерии». С одной стороны, Климент указывает на связь мистерий с поминовением усопших, а с другой – с «охотничьими баснями», ссылаясь на сходство в звучании данных слов (Protr. XIII). Неприязнь Климента к языческим мистериям была настолько сильна, что при обличении их он использует любые, даже не совсем доказательные аргументы: «Даже если производить слово “мистерии” от имени некоего Миунта из Аттики, погибшего, по словам Аполлодора, на псовой охоте, вам не позавидуешь: в этом случае ваши мистерии обязаны своим именем и славой поминкам» (Protr. XIII). Прямого сравнения оргий и мистерий у Климента в «Увещании к язычникам» мы не встречаем, однако периодически он перемежает эти термины, усугубляя негативную окраску обоих. Чтобы особенно подчеркнуть вред для христианина от мистерий, александрийский учитель указывает на их связь с грехопадением человека, отмечая, что в мистериях Диониса вакханты «пожирают в священном безумстве сырое мясо, и освящают рассеченные мертвые туши, унечава себя змеями, крича в ликовании “Эван!” – “Ева!”, – имя той, из-за которой началось заблуждение человеческого рода» (Protr. XII).

Рассматриваемое произведение изобилует значительным количеством указаний на различные мистерии, при этом наиболее часто он ссылается на те, которые были распространены в его время, в том числе

и на Римском Востоке: мистерии Афродиты (Protr. XIV), Деметры (Protr. XV), Диониса (Protr. XVII–XVIII), Сабазийские (Protr. XVI), Элевсинские (Protr. XX–XXI), кабирские (Protr. XIX) мистерии. Отвергая безбожность данных мистерий, Климент прямо указывает на тщетность и вред от тайных символов, которые используются язычниками при их проведении (лепешки, крупинки соли, мак, плющ, женский гребень и т.д.).

Наибольшее негодование у Климента вызывали оракулы, которые он называл «нечестивыми святилищами и полным обмана пастью бездны» (Protr. II, XI). Александрийский учитель полагал, что само наличие оракулов бессмысленно, поскольку в них нет пророческого дара, а существует лишь безумие [4. Р. 114]. Климент приравнивает языческие оракулы к обману игорных домов, в которых основными спутниками надувательства являются «козы, выдрессированные для прорицания, и вороны, наученные людьми давать оракулы» (Protr. II, XI).

Говоря о таком виде религиозной деятельности язычников, как жертвоприношения, александрийский учитель убеждал язычников в том, что их боги являются жуткими и бесчеловечными демонами, которые радуются человеческому безумию и наслаждаются человекоубийствами (Protr. III, XLII). В третьей главе «Увещания к язычникам» мы встречаем следующие примеры жертвоприношений, описанные Климентом: «Действительно, мессенец Аристомен заколол триста человек Зевсу Итомскому, полагая, что столь великие и вместе с тем столь изысканные гекатомбы совершил при благоприятных предзнаменованиях» (Protr. III, XLII). Или о таврах: «Тавры – племя, населяющее полуостров Таврику, тех чужестранцев, которых они у себя захватят, после того, как те, плывя по морю, сбились с пути, сразу приносят в жертву Артемиде Таврической» (Protr. III, XLII). Ссылаясь на «Собрание удивительных вещей» Монима, Климент рассказывает, что в Фессалийской Пеле приносят в жертву Пелею и Хирону ахейцев (Protr. III, XLII). В Антиклидовском «Возвращении» он находит информацию, как критское племя ликтийцев закалывает Зевсу людей, а в третьей книге Питокла «О согласии» встречается упоминание о фокейцах, которые устраивают человеческие сожжения, принося жертву Артемиде (Protr. III, XLII). Особенно Климент подчеркивает ужас от жертвоприношения собственных детей: «Житель Аттики Эрехтей и римлянин Марий принесли в жертву собственных дочерей: один – Персефоне, как сообщает Демарат в первой книге «Трагедийных деяний», другой же, Марий, – Аверрунгам, как рассказывает Доротея в четвертой книге «Италийской истории» (Protr. III, XLII).

Религиозные отношения язычников также не находят одобрения у Климента. По его мнению, языческий мир полон грехопадения, поскольку распущенны не только люди, но и боги [10. С. 38]. Так, он приводит в пример причисленного к богам Антиноя, который «удостоился почестей за блуд» (Protr. XLIX). Особое удивление у Климента вызывала потребность язычников поклоняться богам, которые представляются еще более безнравственными, чем сами люди

[10. С. 47]. О главе олимпийского пантеона богов Зевсе александрийский учитель говорит, что он «обидчик, беззаконник, преступник существовал и обладал этими качествами только как человек...» (Protr. XXXVII). Заменяя его культовые эпитеты, он обвиняет Зевса в ряде смертных грехов: насилии, беззаконии, растлении, прелюбодеянии, называя его человеком, миф о котором развеялся со временем (Protr. XXXVII).

Климент полагал, что язычники нуждаются в духовном просвещении: «Потому, что мне кажется, что, так как Само Слово спустилось к нам с неба, не должно более ходить на обучение к людям... Раз вы поверили поэтическому мифу, изображающему критянина Миноса собеседником Зевса, то у вас не возникнет сомнений по поводу того, что мы стали учениками Бога, приобретя действительно истинную мудрость, на которую лучшие представители философии только намекали, ученики же Христовы и постигли ее и возвестили другим» (Protr. XI, CXII).

Отдельное внимание Климент уделяет опровержению ценности статуй греческих божеств. В «Увещевании к язычникам» он обстоятельно освещает истории знаменитых статуй, в частности статую бога Сараписа. Он приводит версию Афинодора, рассказывающего о ваятеле Бриаксиде, который по велению фараона создавал статую Осириса, а вылепил из опилок различных металлов с размельченными драгоценными камнями Сараписа. Тем самым Климент намекал на связь Сараписа с похоронами (Protr. XLVIII). Статуи для Климента являются более ничтожными, чем любое живое существо, поскольку моделями для них служат гетеры (Protr. LI; LIII). Говоря о них, он проводит параллель с Богом, который постигается людьми с помощью ума, а не чувствами, как это происходит со статуями, которым поклоняются люди, принимая их за богов. При этом александрийский учитель указывает, что некоторые язычники сами призрали мертвую материю, из которой изготовлены статуи, однако, чтобы не выдавать своего отношения, скрывали это: «Дионисий Младший, сняв золотой гиматий с Зевса на Сицилии, велел надеть на него шерстяной, сказав остроумно, что он лучше золотого, будучи более легким летом и более теплым в мороз. Антиох же Кизикиец, нуждаясь в деньгах, распорядился золотую статую Зевса высотой в пятнадцать локтей переплавить и поставить на ее место подоб-

ную ей из другого, более дешевого материала, украшенную золотыми пластинами» (Protr. LI).

Чтобы расширить аудиторию своих читателей, Климент несколько раз обращается к греческой пророчице Сивилле, определяя ее как наставницу для язычников. Вероятно, еще нося в своем сознании остатки языческих верований, либо рассчитывая на определенный круг читателей-язычников, Тит Флавий Климент был убежден в необходимости подобных обращений.

Климент указывает, что Сивилла предсказала разрушение языческих капищ и статуй при землетрясении:

...И зарыдает Эфес, у высокого берега простершись;

Храм свой он будет искать, исчезнувший ныне бесследно... (Protr. L).

О храмах Исида и Сараписа в Египте он приводит ссылку на пророчество Сивиллы о сожжении:

Ты одиноко сидишь, о Исида, у Нильских потоков, Трижды несчастная, как на песке Ахеронта прибрежном,

Ты, что из многих камней белоснежных построен, Сарапис, будешь в руинах лежать на земле многослезной Египта. (Protr. L).

В заключение следует отметить, что проведенный анализ «Увещевания к язычникам», в достаточной степени доказывает вполне однозначную позицию Климента в отношении трактовки языческой религии. Традиционно принято полагать, что Климент Александрийский опирался на античное наследие, приспособивая его к новой христианской действительности [11]. Так, А.Ю. Братухин говорил о том, что отношение Климента к верованиям, которые он считал ошибочными, имеет отголоски характерной для Восточной Церкви относительной терпимости к «заблуждающимся» [9. С. 15]. При этом изучение указанной работы, показало, что подобное отношение у Климента сформировалось относительно античной философии, а религия язычников отвергалась александрийским учителем во всех ее компонентах. В целом подобная ситуация была вполне оправданна, поскольку концептуально язычество и христианство имели принципиальные расхождения, завуалировать которые было трудно даже такому интеллектуалу, как Климент.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «искусством» Климент понимал первовещество, без которого не может существовать тот или иной объект. В данном случае имеется в виду то, что материя не самостоятельна и требует дополнительного внешнего сопровождения.

² Сделаем некоторые предположения относительно установления упоминаемых личностей: Евгемер (Эвгемер) (Εὐήμερος) – философ киренской школы (конец IV в. до н. э.); Диагор Мелосский (Милосский) (Διαγόρας ὁ Μήλιος) – древнегреческий поэт и софист (V в. до н. э.); Гиппон (Ἰππών) древнегреческий философ пифагорейской школы (V в. до н. э.); Теодор (Феодор) из Кирены (Θεόδωρος) – древнегреческий философ, живший на рубеже IV–III вв. до н. э.); кого имеет в виду Климент под именем Никонор-киприот, установить не удалось.

³ Оргии (οργή) – гнев Деметры на Зевса; мистерии (μυστήρια) – позор, выпавшей на долю Диониса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 4–15.
2. Broek R. van den. Studies in Gnosticism and Alexandrian Christianity. Leiden, 1996. 348 p.
3. Пантелеев А.Д. Античная религия в сочинениях христианских апологетов (материалы к лекции) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. 280 с.
4. Camelot P. Foi et Gnose. Introduction a l'etude de la connaissance mystique chez Clement d'Alexandrie. Paris, 1945. 376 p.

5. Edwards M.J. Gnostics, Greeks and Origen: The Interpretation of Interpretation // *Journal of Theological Studies*. 1993. 44. P. 71–89.
6. Цыб А.В. Учение Климента Александрийского о логосе и традиция античной логосологии // *Универсум платоновской мысли: вопросы познания. Процедуры правильного мышления. Докса и ноэсис*. СПб., 1997. С. 113–120.
7. Burkert W. *Greek Religion*. Cambridge, 1985. 480 p.
8. Яблоков И.Н. *Религиоведение*. М., 2004. 317 с.
9. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер. с древнегр., вступ. ст., ком. и указатель А.Ю. Братухина. СПб., 2006. 288 с.
10. Карсавин Л.П. *Святые отцы и учителя Церкви*. М., 1994. 176 с.
11. Carlson S.C. Clement of Alexandria on the «Order» of the Gospels // *New Testament Studies*. 2001. Vol. 47, № 1. P. 118–125.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 апреля 2019 г.

Religious Tradition of the Ancient World in the Interpretation by Clement of Alexandria

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 168–172.

DOI: 10.17223/15617793/453/20

Irina V. Zaytseva, Belgorod Law Institute of the Ministry of the Internal of the Russian Federation (Belgorod, Russian Federation).

E-mail: zajcevil@mail.ru

Keywords: Alexandria; Roman Empire; Egypt; School of Alexandria; Clement of Alexandria.

The article analyzes the interpretation of the religious tradition in the *Exhortation to the Heathen* by Titus Flavius Clemens, the leader of the School of Alexandria. The aim of the article is to reflect the specific interpretation of the antique religion by Clement of Alexandria in its three pillars: religious conscience, religious activities, and religious relations. The study is relevant, for the analysis of the intellectualism of a human in a transitional era (like Clement of Alexandria) would allow to look more closely at the features of the cultural, religious, socioeconomic, and political development in Roman society at the crossroads of two different eras—the pagan pre-Christian period and the Christian era. The issue is also mainstreamed by the needs and goals of the modern society, which is in the process of transition. The analysis is based on the *Exhortation to the Heathen* by Clement of Alexandria. The methodological framework of the article builds on the comprehensive, functional, and activity-oriented approaches to research on the interpretation of the religious tradition of the Antiquity by Clement of Alexandria in their interaction and interdependence. Traditions of intellectual history are an essential methodological part of the article because, at the moment, this scientific direction includes not only research on the development of thoughts of one or another intellectual (in the context of the study of Clement of Alexandria), but also the process of their dissemination in synchronic and diachronic dimensions. The comparative historical method helped to identify the specifics of certain types of the heathen religions, such as the antique religion, the Egyptian pagan religion, the barbaric religion, as interpreted by Titus Flavius Clemens. The system-oriented analysis revealed the views of Clement of Alexandria on the antique religion in its three pillars: religious conscience, religious activities, and religious relations. The analysis of the *Exhortation to the Heathen* showed that Clement of Alexandria treated the antique religious tradition decidedly negatively. The author of the article claims that Clement of Alexandria acts as the ultimate antagonist of the antique religion when examining heathens' religious conscience, their religious activities, and their system of religious relations. The author also emphasizes that the allegation that Clement adapted the antique heritage to the realities of Christianity, which is generally accepted in the scholarly community, is related to the pagan philosophy only and does not affect the antique religion.

REFERENCES

1. Repina, L.P. (2008) Intellectual Culture as a Marker of Historical Epoch. *Dialog so vremenem – Dialog with Time*. 22. pp. 4–15. (In Russian).
2. Broek, R. van den. (1996) *Studies in Gnosticism and Alexandrian Christianity*. Leiden: BRILL.
3. Panteleev, A.D. (2007) Antichnaya religiya v sochineniyakh khristianskikh apologetov (materialy k lektzii) [Antique Religion in the Writings of Christian Apologists (Materials for the Lecture)]. In: Frolov, E.D. (ed.) *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Studies and Publications on the History of the Antique World]. Is. 6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Camelot, P. (1945) *Foi et Gnose. Introduction a l'etude de la connaissance mystique chez Clement d'Alexandrie*. Paris: J. Vrin.
5. Edwards, M.J. (1993) Gnostics, Greeks and Origen: The Interpretation of Interpretation. *Journal of Theological Studies*. 44. pp. 71–89.
6. Tsyb, A.V. (1997) [The Doctrine of Clement of Alexandria About the Logos and the Tradition of Ancient Logosophy]. *Universum platonovskoy mysli: voprosy poznaniya. Protsedury pravil'nogo myshleniya. Doksa i noesis* [Universum of Platonic Thought: Questions of Knowledge. Procedures for Proper Thinking. Doxa and Noesis]. Conference Proceedings. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 113–120. (In Russian).
7. Burkert, W. (1985) *Greek Religion*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Yablokov, I.N. (2004) *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow: Gardariki.
9. Titus Flavius Clemens. (2006) *Uveshchevanie k yazychnikam. Kto iz bogatykh spasetsya* [Exhortation to the Heathen]. Translated from Old Greek by A.Yu. Bratukhin. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
10. Karsavin, L.P. (1994) *Svyatye ottsy i uchiteli Tserkvi* [Holy Fathers and Teachers of the Church]. Moscow: Moscow State University.
11. Carlson, S.C. (2001) Clement of Alexandria on the “Order” of the Gospels. *New Testament Studies*. 47 (1). pp. 118–125.

Received: 07 April 2019